

Э. Л. Кузьмин

Человек... Звучит гордо?

Sapiens
в тенётах
социума
и миропорядка

Э. Л. Кузьмин

**Человек... Звучит гордо? Sapiens
в тенётах социума и миропорядка**

«Проспект»

2026

Кузьмин Э. Л.

Человек... Звучит гордо? Sapiens в тенётах социума и миропорядка
/ Э. Л. Кузьмин — «Проспект», 2026

ISBN 978-5-39-247082-2

В книге рассматривается широкий круг вопросов, связанных с положением человека в современном обществе, действием механизма власти, уровнем демократических институтов, гражданских прав и свобод. Подчеркивается значимость научной трактовки широко используемого понятия «суверенитет» как неотъемлемого признака и свойства государственности. Большое внимание уделяется духовно-нравственной проблематике, раскрытию значимости истинных ценностей, оказывающих определяющее воздействие на формирование личности человека. В центре внимания автора находятся вопросы мироустройства, его полицентричности, идейно-политического банкротства концепций, основанных на стремлении стран «коллективного Запада» к гегемонии и доминированию на международной арене. В контексте цивилизационного выбора рассматривается место России в современном мире, ее конструктивная роль в решении стоящих перед человечеством глобальных проблем, участие в БРИКС, ШОС и других интеграционных объединениях и союзах. Книга будет полезна для студентов, аспирантов, преподавателей гуманитарных вузов, а также для всех, кто интересуется вопросами государственности, современной мировой политики и международных отношений.

ISBN 978-5-39-247082-2

© Кузьмин Э. Л., 2026

© Проспект, 2026

Содержание

Пролог	7
Молох власти	9
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Э. Л. Кузьмин
Человек... Звучит гордо?
Sapiens в тенётах социума и миропорядка

Посвящается Татьяне

Мы живем на рубеже двух миров – оттого особая тяжесть, затруднительность жизни для мыслящих людей. Старые убеждения, все прошедшее мирозерцание потрясены – но они дороги сердцу. Новые убеждения, многообъемлющие и великие, не успели еще принести плоды; первые листья, почки пророчат могучие цветы, но этих цветов нет, и они чужды сердцу. Множество людей осталось без прошедших убеждений и без настоящих. Другие механически спутали долю того и другого и погрузились в печальные сумерки...

А. И. Герцен

© Кузьмин Э. Л., 2026

© ООО «Проспект», 2026

Пролог

Принято считать, что человек (*Homo sapiens*) появился примерно 40 тысяч лет назад. В современном понимании он являет собой высшую ступень живых организмов на планете Земля, выступает активным субъектом социально-экономической, политической, культурной и духовной жизни. Сущность его, по К. Марксу, – «совокупность всех общественных отношений». В Древней Греции в человеке видели «меру всех вещей». «Все во имя человека, для блага человека», – фиксировали в Программе КПСС глашатаи так и не состоявшегося в нашей стране коммунизма.

Именно как существо разумное, мыслящее, человек всегда ассоциировал себя со свободой, мечтал о ней, боролся за ее приближение. Великий Жан-Жак Руссо в классическом труде «Об общественном договоре», гордо констатируя, что «человек рожден свободным», тут же вынужден был с горечью признать: «...но между тем повсюду он в оковах». Предельно выразительна эпитафия на могиле выдающегося борца за гражданские права в США, баптистского пастора, лауреата Нобелевской премии мира Мартина Лютера Кинга: «Свободен, свободен, наконец свободен». Лучшие умы России мечтали о временах грядущих, когда «темницы рухнут, и свобода вас примет радостно у входа».

«Человек – звучит гордо!» С юных лет запала в душу эта чеканная, выражающая активную жизненную позицию, формула А. М. Горького. С ней мы учились, шли по жизни, добивались успехов. Случайно ли великий пролетарский писатель, много бед хлебнувший «в людях», но умевший и любивший потом красиво пожить, вложил приведенный слоган в уста Сатина – одного из главных персонажей пьесы с выразительным названием «На дне», жителя ночлежки, картежника, уголовника, отбывшего срок за то, что «убил подлеца в запальчивости и раздражении»? Вместе с тем наш герой был, как сообщает автор пьесы, образованным человеком, служил на телеграфе, много книг читал, правильно произносил слово «трансцендентальный» (хотя и значение забыл).

Ну и трудно устоять перед соблазном воспроизвести здесь, хотя бы частично, манифест человека, видящего в правде «бога свободного человека». Итак, «Человек – свободен... он за все платит сам. Что такое человек?.. Это не ты, не я, не они... нет! – это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет... в одном! В этом все начала и концы... Все в человеке, все для человека! Существует только человек, все же остальное – дело его рук и его мозга». Человек! Это – великолепно! Это звучит... гордо! Человек! Много восклицательных знаков. Ощущение почти восторга или сарказма, если не забывать о биографии персонажа. Да и у Е. Замятина, к которому мы обратимся чуть позже, истинный человек только тогда человек в полном смысле слова, когда в его грамматике нет вопросительных знаков, лишь одни восклицательные, запятые, точки!

И вдруг... Известный швейцарский психолог-аналитик К. Юнг высказывает сомнения. Ни один человек не знает, что он есть на самом деле. «Что означает быть человеком?» – задается вопросом философ. И ищет ответ: желудь бессознательно превращается в дуб, теленок – в корову, а ребенок – во взрослого. При этом человек не может определить, воздействует ли на него Бог или нечто бессознательное. С щемящей тоской рассуждает Юнг о «бессознательном современного человека», который больше не чувствует себя в мире как дома, а его духовная обитель рассыпалась в прах. Остается лишь признать, что каждый человек есть извлечение самого себя из своего бессознательного психического – снов, видений, галлюцинаций. Чем гордиться?

Схиигумен Савва (Остапенко) видел в гордости «крайнюю самоуверенность», источник гнева, жестокости, раздражения и злобы... Гордость, был убежден старец, это страшная

душевная болезнь, которая очень трудно излечивается... Святые отцы называют ее «семенем Сатаны».

Молох власти

Если не можешь порвать свои цепи, плюй на них, пока не поржавеют.

Ф. Искандер

В общепринятом значении власть всегда понималась как отношения между субъектами, в ходе которых один вынуждает другого действовать в нужном для себя направлении, используя для этого разные формы и методы влияния, прибегая при необходимости к силе или угрозе ее применения. «Именно угроза санкций отличает власть от влияния вообще, – отмечали американские ученые Д. Лассуэл и А. Кэплэн. – Власть представляет собой особый случай влияния: речь идет о процессе, который влияет на политику других угрозой или эффективным применением суровых ограничений за несоответствие действий по проведению желаемой политики»¹. Концепция власти имеет фундаментальную природу, помогает характеризовать многообразные политические действия, а также условия жизни людей в конкретном государстве². Вносились даже предложения о выделении специальной отрасли знания – кратологии – в качестве «новой, самостоятельной, фундаментальной, единой, целостной, комплексной науки»³. И такое предложение не выглядит экзотическим, поскольку сама власть инклюзивна (от *лат. includere* – включать), ассоциируется практически со всеми аспектами жизни и деятельности человека – обществом, политикой, государством, семьей, трудовым коллективом, с любым сообществом людей, требующим координации их действий, а значит – и принятия управленческих решений, с неизбежностью предполагающих ту или иную степень соподчиненности, руководящего начала.

Развивая приведенное выше определение власти, данное учеными из США более семи десятилетий назад, современные отечественные исследователи особо выделяют «социальное» поле власти, которое характеризуется взаимодействием (включая и обмен «ударами») между акторами в процессе их соперничества и борьбы между собой. Отсюда и вывод: *«нет и не может быть обладателя власти, который не осуществлял бы силовых отношений и стратегии»*⁴. В. В. Желтов и М. В. Желтов видят во власти механизм человеческого общества, обеспечения постоянства его жизнедеятельности, целенаправленной деятельности социальных групп для достижения определенных общественно значимых целей. Рассматриваются различные проявления властных отношений, в основе которых лежит неравенство, распространяемое практически на все социальные контакты, вплоть до отношений «между некими гуру и их последователями».

Но у власти есть и некая субъективная сторона. Наряду с необходимостью овладения политическим опытом она предполагает определенные, подчас врожденные качества того или иного ее носителя – вершителя судеб, вынужденного решать нередко вопрос о месте нахождения злосчастной запятой в вердикте «казнить нельзя помиловать». Чтобы не превращать политику в «грязное дело», носитель власти призван иметь развитое, быть может, гипертрофированное чувство ответственности, стремиться оправдывать доверие людей. И вместе с тем «человек, принимающий решения, должен уметь преодолевать сомнения, иметь мужество идти на риск», – наставлял Наполеон своего многоопытного начальника штаба Бертье. В английской политологии есть выразительный термин *political animal* («политическое живот-

¹ *Lasswell D., Kaplan A. Power and Society. N. Y., 1950. P. 74.*

² *Желтов В. В., Желтов М. В. Власть. Природа, генезис, многообразие. М., 2022. С. 4.*

³ *Халилов В. Ф. Энциклопедия власти. М., 2005. С. 3.*

⁴ *Желтов В. В., Желтов М. В. Указ. соч. С. 11.*

ное»). Небезынтересно в связи с этим, что бывший президент Казахстана Н. Назарбаев признал однажды, что «власть возбуждает мужчину».

К XVII–XVIII векам политико-философская мысль созрела до идеи структурной реорганизации власти в направлении ее некоторой демократизации, подчинения в большей степени законодательным установлениям, нежели просто доброй воле правителя. И если Дж. Локк (середина XVII века) «широкими мазками» намечал подходы к власти по функциональному принципу, то Ш. Монтескье в XVIII веке создает достаточно четкую теорию разделения власти на три ветви: законодательную (парламент, местные органы самоуправления), исполнительную (правительство и его учреждения, префектуры) и судебную. Эта традиционная схема дополняется центральной фигурой монарха, президента или, возможно, лидера правящей партии (в странах с однопартийной системой). Место высшего арбитра в отношениях между властью и обществом отводится конституционному суду.

Стабильность любого государства обусловлена легитимностью власти, под которой имеется в виду, далеко не в последнюю очередь, взаимопонимание между обществом и властью. Еще Т. Гоббс писал в свое время: «Государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты»⁵. С литературным Левиафаном автору настоящей книги довелось плотно познакомиться в годы аспирантского вызревания. А вот образ «чудища», которое «обло, озорно, огромно, стозевно и лайй», не давал покоя со школьной скамьи. В те далекие годы слова Василия Тредиаковского, взятые А. Н. Радищевым в качестве эпиграфа к «Путешествию из Петербурга в Москву», трактовались как приговор царскому самодержавию, крепостничеству, а в увязке с «Памятником» А. С. Пушкина – как тоска по Свободе (с большой буквы) и «милости к падшим». Не очень вязалось такое восприятие с нарочито высокопарным, архаичным языком Радищева: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала». Но свершилась революция 1917 года, прошло победное и драматическое шествие Советской власти по стране, вошли в историю сталинские пятилетки, сопряженные не только с героическим трудом, но и с большой кровью. Стало понятно, что «чудище обло» – это не только о царизме.

Склонный к парадоксам А. Шопенгауэр, пытаясь рассмотреть в современном ему государстве «меру к ограничению безграничной людской неправды», некую регулятивную функцию, приходил к отражающим суровые реалии выводам: «Из истории всех времен мы видим, что каждый король, если он держится прочно и страна более или менее благоденствует, пользуется этим для того, чтобы наброситься со своим войском, как с разбойничьей шайкой, на соседние земли – ведь все почти войны в конце концов – разбой». Торжество справедливости может быть осуществлено принуждением. «Принудительным учреждением для этого служит государство, единственная цель которого – оградить отдельных лиц друг от друга, а целое – от внешних врагов. Некоторые немецкие философских дел мастера нашей продажной эпохи хотели бы превратить его в морально-педагогическое учреждение, причем проглядывает задняя иезуитская цель упразднить личную свободу и индивидуальное развитие отдельного человека».

Своеобразной, но весьма разумной представляется трактовка Шопенгауэром правоведения как части морали, устанавливающей поступки, от которых надлежит воздерживаться, «если мы не желаем обижать других, т. е. совершать несправедливость...». «Против этих поступков, мол, государство и сооружает батарею законов как положительное право. Цель его – чтобы никто не терпел несправедливости; цель же морального правоведения – чтобы никто не совершал несправедливости». Видя в государстве «шедевр сознательного, разумного, сумми-

⁵ Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 133.

рованного эгоизма всех», ученый отводил именно ему ключевую роль в поддержании порядка в обществе, реализации задачи уважения прав отдельного лица, как и прав всех других. «Если представить себе государственную власть утратившей силу, т. е. этот намордник сброшенным, то всякий понимающий содрогнется перед зрелищем, какого тогда надлежало бы ожидать»⁶. Убедительно!

Жаждой власти другой немецкий философ Ф. Ницше объяснял все человеческие устремления и деяния («Этот мир – это воля к власти, и ничего более, – и вы сами – тоже эта воля к власти, и ничего более»), сводил сущность общественных отношений к схеме «господин – раб». И находил преимущество первого отнюдь не в богатстве, не в статусе, а в силе духа. Рабская мораль выводилась им из зависти худших перед лучшими. И, увы, Ницше видел выражение рабской морали в идеях справедливости и демократии. Ядовитой змеей вползает в мозг в связи с этим злая, ехидная мыслишка: а уж не служит ли, к примеру, проявлением «рабской морали» требование полной свободы сексуальным меньшинствам и некоторым иным экзотическим запросам современного западного общества.

Вместе с тем «врагами всякой власти» выступали М. А. Бакунин и его сторонники: «Власть действует столь же развратительно на тех, кто облечен ею сколько и на тех, кто принужден ей покоряться. Под тлетворным влиянием ее одни становятся честолюбивыми и корыстолюбивыми деспотами, эксплуататорами общества в свою личную или сословную пользу, другие – рабами»⁷.

Очевидным проявлением современного геополитического противоборства и, быть может, одним из его главных мотивов выступает столкновение мировоззрений, далеко не совпадающих, а подчас и непримиримых взглядов, идей и концепций социально-экономической, политической и духовной жизни. Как и в годы острой идейно-политической конфронтации между миром капитализма во главе с США и социалистической системой, опорной точкой которой был Советский Союз, так и в наши дни, но, разумеется, с учетом принципиально новых реалий в центре идейных баталий по-прежнему находятся вопросы демократии, свободы, социальной стратификации, равно как и подхода к решению злободневных проблем миропорядка, обеспечивающего успешное развитие народов всех континентов и – в конечном счете – выживание человечества. Далеко не последнюю роль в поисках путей решения соответствующих задач призвано играть творческое, с поправкой на время, осмысление и разумное использование теоретического и методологического наследия марксизма-ленинизма, к сожалению, упорно выбрасываемого из научного арсенала многими современными отечественными политиками, философами и юристами.

Разумеется, необходимо признать, что многие критические суждения и оценки, доминировавшие в советской философской и государственно-правовой доктрине применительно к институтам власти стран Запада конца XX века, не учитывали в полной мере реальных изменений, произошедших в них со времен написания К. Марксом и Ф. Энгельсом «Манифеста Коммунистической партии» (середина XIX века) или ленинского труда «Государство и революция» (начало прошлого столетия). Политическая заангажированность и своего рода классовая зашоренность приводили подчас к искажениям действительности, нередко надуманным, излишне резким оценкам жизни на Западе при безмерном восхвалении социалистических реалий. Один из примеров подобного рода – подход к классической теории разделения властей. Исходя из очевидного постулата единства власти господствующего класса, правящих элит, советские теоретики государства и права недооценивали, а подчас целенаправленно приносили значение институтов демократии, призванных обеспечивать действие реального механизма государственного правления.

⁶ Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М., 1990. С. 120, 310–311, 344, 346–347.

⁷ Бакунин М. А. Государственность и анархия. М., 2022, С. 200.

Много критических стрел выпущено, в том числе и автором настоящей книги, в сторону концепций «плюралистической демократии» и «диффузии власти». Но нельзя не признать, однако, что соответствующие доктрины, сознательно затеняя в какой-то степени реальных носителей власти в обществе, в целом способствовали освещению механизма распределения полномочий между органами представительства и управления, участия в той или иной степени в соответствующих процессах представителей различных общественных организаций, профсоюзов, фермерских объединений и предпринимательских структур, разного рода лоббистских групп. Думается, острая борьба идей внесла вместе с тем свежую струю в осмысление действительности, подвела к некоторому сближению позиций в оценках и характеристиках отдельных государственно-правовых воззрений, позволила в конечном счете преодолеть явно не отвечающие реалиям научные конструкции и взгляды. Сколько, к примеру, копий было сломано вокруг проблемы «чистой» демократии, восходящей в своей основе к временам полемики В. И. Ленина и К. Каутского. И если в годы острого классового противоборства споры по вопросам власти были не только уместны, но и необходимы, то десятилетия мирного сосуществования двух противоположных социально-экономических систем в условиях бурного развития производительных сил, научно-технического прогресса в определенной степени сnivelировали проблему поляризации общества и его политической организации.

Изначальный феномен власти, размышлял известный философ и культуролог Э. Канетти, выживание. Властитель – это тот, кто выживает, когда другие гибнут. В изначальноном феноменологическом смысле властитель – это тот, кто стоит, когда все вокруг пали. Архетип властителя – герой, стоящий над трупами павших, причем не важно даже, кто эти павшие – уничтоженные им враги или погибшие друзья и союзники. В счет идет лишь выживание. Чем больше тех, кого он пережил (все равно, враги это или друзья), тем величественнее, «богоравнее» властитель. Подлинные властители всегда остро чувствуют эту закономерность, подлинная власть всегда воздвигает себя на горах мертвых тел, как в фигуральном, так и в прямом смысле... Масса – это предпосылка и фундамент власти... Голос власти – это рык льва, от которого приходят в ужас и бросаются в бегство стада антилоп, то есть масса. Э. Канетти, по словам переводчика его труда И. Ионина, вскрывает изначальную связь структур мышления параноика и властителя. «Паранойя – не просто „болезнь власти“. Паранойя и власть – это два способа реализации одной и той же тенденции, имеющейся в любом человеческом существе»⁸. И, пожалуй, добавим от себя, никто так удачно, как Канетти, не попытался соединить идеи психологизма власти Л. Петражицкого с доктриной «массового общества» Ортеги-и-Гассета.

Уместно заметить, что для М. А. Рейснера власть была некой волей, предъявляющей требования человеку, который в силу имеющегося в его сознании (психике) представления о необходимой верховной воле, отказывается от своих желаний и всецело подчиняется ей. Вследствие такой фатальности подчинения власть может иметь любой, как насильственный, так и ненасильственный («правовой»), характер. Такое представление о «безмерном могуществе», «превозмогающей воле» связывалось именно с государственной властью, не имеющей себе по силе равных.

Не выглядит завышенной оценка работы Канетти его переводчиком. «Это – труд его жизни, *opus magnum*, на который автор возлагал наибольшие надежды», – считает Ионин. А в одной из дневниковых записей самого автора, относящихся к 1959 году, читаем: «Вчера рукопись „Массы и власть“ ушла в Гамбург. В 1925-м, тридцать четыре года назад, явилась первая мысль о книге, посвященной массе... Я должен был делать то, что делал. Мной распоряжалась сила, которой мне никогда не понять... С величайшей амбицией я объявлял о несуществую-

⁸ Канетти Э. Масса и власть. М., 2023. С. 11.

щей еще книге. Чтобы покрепче пристегнуть себя к ней... И вот теперь я говорю себе, что мне это удалось: схватить наше столетие за горло»⁹.

Видное место в «схватке столетия» отводится тому, что автор называет «внутренностями власти». «Тот, кто хочет господствовать над людьми, стремится их унижить: лишить возможности сопротивления и всех прав. Свести их перед собой на уровень животных... Конечная цель у него всегда одна и та же – поглотить их и высосать... Чем дурней он с ними обходится, тем более их презирает. Если ничего полезного из них уже не извлечь, он потихоньку избавляется от них, как от собственных экскрементов, и заботится о том, чтобы они не отравляли воздух в доме».

Несомненно, есть своя логика в том, что такой подход, основанный на господстве и подавлении, неизменно сопрягается с некой тайной, «витающей в сокровеннейшем ядре власти». И одна из таких тайн – неравное распределение «*просматриваемости*». Властвующий должен видеть все насквозь, но не позволяет смотреть в себя, – таков главный посыл автора. Сам он остается закрытым. Его настроения и намерения никому не дано знать. Да и уважение к диктатурам в значительной степени вызвано тем, что в них видят способность концентрации тайны, которая в демократиях «разделяется и распыляется», «в них все забалтывается».

Сколь фантастично, столь и тревожно прозвучало в 2025 году пришедшее из Кембриджа сообщение о «прорывном проекте» группы британских ученых по разработке искусственного генома человека, могущего изменить саму природу жизни и посягающего при этом на фундаментальные аспекты биоэтики и даже безопасности. В знаменитой Силиконовой долине за 50 тысяч долларов проводится генетическое тестирование эмбрионов, прогнозирующее не только возможные болезни, но и уровень интеллекта будущих детей. Нельзя не учитывать в полной мере риски и опасности, которые таят в себе уже сегодня нейросетевые технологии, подчас незаметно вторгающиеся в повседневную жизнь, выходя за пределы логики аргументов и фактов и проникая на уровне автоматических реакций в рефлекс, этические коды и даже в подсознание. Рождаются научно-фантастические сюжеты: богатые создают генетическую суперкасту, которая захватывает власть.

Технические тайны – самые концентрированные и самые опасные, был убежден Э. Канетти. Они касаются всех, а известны лишь ничтожному числу лиц, всего лишь пять или десять человек решают о возможности их применения. А когда (добавим от себя) в условиях XXI века «технические тайны» несут реальную угрозу существованию всего человечества, становится особенно очевидной опасность эгоцентризма в подходе к власти. «Момент *выживания* – это момент власти... В деле выживания каждый каждому враг, и любая боль – ничто по сравнению с фундаментальным триумфом выживания, важно, что выживший *один* попирает одного или многих мертвых. Он видит себя одним, чувствует себя одним и, если говорить о власти, которую он ощущает в это мгновение, то нужно всегда помнить, что она проистекает только и исключительно из его *единственности*»¹⁰.

В советской философской и правовой литературе уделялось явно недостаточное внимание трудам М. Штирнера, хотя основоположники марксизма-ленинизма, в свое время активно полемизируя с ним, думается, творчески заимствовали многие положения в трактовке государства, придавая им классовое измерение и прокладывая тем самым путь к теории научного коммунизма. Между тем имеющее, на первый взгляд, абстрактно-отвлеченный характер «штирнерианство» смотрится как своего рода остов, каркас всей государственно-правовой конструкции.

М. Штирнер напрямую увязывал существование государства с господствующей волей, рассматривая его как деспотию, суть деятельности видел в насилии, допуская, чтобы граждане

⁹ Канетти Э. Человек нашего столетия. М., 1990. С. 289–290.

¹⁰ Канетти Э. Человек нашего столетия. М., 1990. С. 312, 336, 437, 442–443.

играли в свободу, но серьезно помышлять о свободе не разрешая. Почему оппозиция не достигает в иных случаях никаких результатов, – рассуждал философ. – Это бывает тогда, когда она не желает покинуть путь нравственности или законности. Отсюда безграничное притворство в якобы преданности, любви и т. д.; при виде его можно ежечасно испытывать самое сильное отвращение к испорченности и лицемерию отношений законной оппозиции... «Божественное – дело Бога, человеческое – дело человечества. Мое же дело не божественное и не человеческое, но дело истины и добра, справедливости, свободы и т. д., это исключительно мое, и это дело не общее, а единственное, так же как и я – единственный. Для Меня нет ничего выше меня». Апофеоз эгоизма! Государство занято тем, чтобы «ограничивать, обуздывать, связывать, подчинять себе отдельного человека», а всякую свободную деятельность – «затормозить и подавить своей цензурой, своим надзором, своей полицией». «Оставаясь на почве права, вы можете превратиться в болтунов... У кого сила, у того и право, не обладая первой, вы лишены второго». Этот беспощадный приговор, вынесенный в XIX веке, надо полагать, в какой-то степени сохраняет свою правоту и в наши просвещенные времена.

Слывущий ярким представителем постмодернизма в современной отечественной литературе В. Г. Сорокин в увидевшем недавно свет очередном романе – социальной антиутопии – выдвигает в главные герои опричника – верного «государева человека»¹¹. Ощущая свою незаменимость, опричник отлично себя чувствует. Насилие – его главный инструмент, «слово и дело» – девиз, верноподданничество начальству – принцип. Чтение книги Сорокина не из простых. Смешно от непокидающего ощущения балагана, но и жутковато при этом.

Практически одновременно с К. Марксом М. Штирнер подошел к осознанию роли буржуазного государства как орудия подавления пролетариата («тех, кому нечего терять»). «Неимущий рассматривает государство как власть, – писал он, – покровительствующую имущим, которым она все дает; из него же, неимущего, она только высасывает все соки. Государство – буржуазное государство; status буржуазии... При буржуазном режиме рабочие попадают всегда под власть имущих... Государство покоится на рабстве труда. Когда труд делается свободным, государство будет сокрушено»¹². «Когда государство становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним... – рассуждал Ф. Энгельс в фундаментальном труде „Анти-Дюринг“. – Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества – взятие во владение средств производства от имени общества, – является в то же время последним самостоятельным актом его. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится излишним и само собой засыпает. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не „отменяется“, оно отмирает»¹³.

В. И. Ленин, вслед за Марксом и Энгельсом, исходил из положения о «засыпающем» на определенном этапе развития государстве. Трудно сказать, в сколь отдаленном будущем смогут подтвердиться эти прогнозы основоположников научного коммунизма, да и смогут ли вообще. Не повторится ли история с прогнозами социализма Т. Мора, Т. Кампанеллы, К. А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна и других столпов учения об идеальном обществе, вошедшего в практику и науку с не самым лестным эпитетом «утопический»?

Сложности перипетий идеологической борьбы вокруг проблем государственности и политического строя хорошо видны на примере подхода к ним российского ученого прошлого века И. А. Ильина. В первой своей научной работе «Понятие права и силы» (1910) Ильин, по сути дела с либеральных позиций, выступал за «критический пересмотр в методологическом отношении» определений «власть» и «суверенитет» (как свойство власти), имея в виду прежде

¹¹ Сорокин В. Г. День опричника. М., 2024.

¹² Штирнер М. Единственный и его собственность. М., 2021. С. 40, 59–60, 118, 139–140, 237, 241, 243, 264, 284.

¹³ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 2021. С. 412–413.

всего освобождение этих понятийных категорий от «реальных категорий силы», против «вторжения» их в «ирреальный ряд» веры, нравственности, убеждений, семейного быта и т. п.

Разгоревшийся в 2024 году скандал вокруг создания в рамках Российского государственного гуманитарного университета «Школы им. Ильина» под руководством А. Г. Дугина вновь привлек внимание к фигуре далеко не однозначного, но, несомненно, яркого, выдающегося философа XX века. Его, не без оснований, позиционируют в качестве одного из главных идеологов российского патриотизма и «возрождения русской нации», нередко цитируют, подчас на самом высоком уровне. Неприятие мыслителем Великой Октябрьской социалистической революции и большевизма как такового, увы, привело его фактически к оправданию фашизма как «государственно-охранительных сил» в борьбе с «левым хаосом и левым тоталитаризмом». Гитлер, по Ильину, остановил процесс большевизации в Германии и оказал этим величайшую услугу всей Европе. Фашизм, по его убеждению, был прав, поскольку исходил из здорового национально-патриотического чувства, без которого ни один народ не может ни утвердить своего существования, ни создать свою культуру. Однако рождаемое фашизмом «национально-освободительное чувство» вряд ли можно назвать «здоровым», имея в виду известные ныне всему миру практические последствия тесной увязки его с теорией расового превосходства самозванных новоявленных арийцев в гитлеровской Германии.

Оправдание фашизма, разумеется, родилось у Ильина не на пустом месте. Отторгая коллективизм, он всячески культивировал вслед за своими многочисленными идейными предтечами доведенный до предела индивидуализм, абсолютизировал частную собственность и личное правосознание, некий данный индивиду от природы «голос» (совесть). При этом значительный период становления и развития социализма в стране с 1917 по 1949 год рассматривался философом не иначе как «катастрофа в истории России, величайшее государственно-политическое и национально-духовное крушение, по сравнению с которым Смута бледнеет и меркнет. Со счетов как бы сбрасываются ликвидация безграмотности, рост продолжительности жизни, индустриализация, выдающиеся научные и культурные достижения, победа советского народа в Великой Отечественной войне. До какой степени надо было ненавидеть Советскую власть и социализм, чтобы написать: «Злое меньшинство, захватив власть, поставило на колени добродушное большинство народа, чтобы переделать его, сломать ему моральный хребет, окончательно перемешать ему и его детям в душе понятия добра и зла, чести и бесчестия, права и несправия – и приучить его голодом и страхом к безусловной покорности»¹⁴.

Конечно, обширное творческое наследие И. А. Ильина нельзя измерять «общим аршином», да и логарифмическая линейка здесь не поможет. Автор настоящей книги вполне осознано и не раз ссылаясь на труды ученого, избрал (и не жалею) в качестве эпиграфа к одной из работ глубокие по смыслу и яркие по форме явно выстраданные слова мыслителя о необходимости единства России из изданной им в 1956 году в Париже книге «Что сулит миру расчленение России»: «Россия есть не случайное нагромождение территорий и племен и не искусственно слаженный „механизм“ „областей“, но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся организм, не подлежащий произвольному расчленению». Жалкими выглядят вместе с тем встречающиеся иногда попытки оправдать симпатии ученого к национал-социализму его «непримиренческим» отношением к коммунистической идее. В направленных на эту цель рассуждениях утверждается подчас, что, дескать, прямого сочувствия коллаборационистам не обнаруживается, но допускается при этом (со ссылкой на «иллюзии в среде эмиграции») чудовищная по своему цинизму вероятность: «Возможно, Ильин поддержал бы Германию при условии, если бы она вторглась в СССР, объявив при этом о воссоздании само-

¹⁴ Ильин И. А. О грядущей России. М., 1993. С. 107, 199.

стоятельного русского государства, свободного от большевизма». Не такая ли цель была и у генерала-предателя Власова, кончившего жизнь с петлей на шее?

Другой, не менее известный пассажир «философского парохода» покидавших постреволюционную Россию ее граждан Н. А. Бердяев видел жестокость во всяком государстве, поскольку оно имеет природу «холодного чудовища» (заметим в скобках, что всего-то разница с тредиаковско-радищевским «чудищем» в суффиксе «-ов»!). «И вместе с тем человечество на том уровне, на котором оно находится, было бы ввергнуто в еще более жестокое, звериное состояние... Государство само может делаться злым и истребляющим, его всегда подстерегает соблазн самодовлеющей власти»¹⁵.

Такую позицию Бердяев во многом объяснял «необъятными русскими пространствами», централизацией, «подавлением свободных личных и общественных сил». «Всегда было слабо у русских сознание личных прав и не развита была самостоятельность классов и групп... – писал он. – Русская душа ушиблена широтою, она не видит границ, и эта безграничность не освобождает, а поработывает ее». Полемизируя с популярным в конце XIX – начале XX века публицистом и философом В. В. Розановым, Бердяев подтрунивал над его апологетикой семьи и пола как первоосновы жизни, видел в его подходе к государственной власти отношение безгосударственного, женственного народа, для которого эта власть всегда есть начало вне его и над ним находящееся, инородное ему, считал, что Розанов безнадежно смешивает государство с правительством и думает, что государство – это всегда «они», а не «мы». Что-то рабье есть в словах Розанова о государственности, какая-то вековая отчужденность от мужественной власти – таков был вердикт.

Один из идеологов революционного народничества, теоретик анархизма, провозгласивший своим отечеством всемирную революцию, М. А. Бакунин исходил из того, что «государство именно и значит *насилие*, господство посредством насилия, замаскированного, если можно, а в крайнем случае – бесцеремонного и откровенного». «Нужно быть ослом, невеждою, сумасшедшим, – не скупился на эмоции гонимый царизмом революционер, – чтобы вообразить себе, что какая-нибудь конституция, даже самая либеральная и самая демократическая, могла бы изменить к лучшему это отношение государства к народу». Объявив себя врагом всякой правительственной, государственной власти, вольнодумец исходил из того, что народ может быть только тогда счастлив свободой, когда, организуясь снизу вверх, путем самостоятельных и совершенно свободных соединений и помимо всякой официальной опеки, но не помимо различных и равно свободных влияний лиц и партий, сам создаст свою жизнь. Ему грезились время, «когда на развалинах политических государств оснуется <так у автора; вероятно, имеется в виду «обоснуется»> совершенно свободно и организуясь снизу вверх, вольный братский союз вольных производительных ассоциаций, общин и областных федераций, обнимающих безразлично, потому что свободно, людей всех языков и народностей»¹⁶.

Полтора столетия прошло со времени создания Ф. Энгельсом труда «Анти-Дюринг». Но удивительное дело, принципиальная оценка им государства как главного орудия для охраны капиталистического способа производства сохраняет свою значимость и в наши дни: «Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист»¹⁷.

На протяжении десятилетий обвинения СССР – первого в мире социалистического государства – в тоталитаризме были одной из главных «страшилок» в западной социологии и политической науке. Берущее начало в позднелатинском языке понятие *totalis* (весь, полный, целый) применительно к политическому режиму означает наделение государства функциями

¹⁵ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 2023. С. 222.

¹⁶ Бакунин М. А. Указ. соч. С. 14, 36, 133, 200.

¹⁷ Энгельс Ф. Указ. соч. С. 489.

полного (тотального) контроля над различными сферами жизни общества, проникновение во все его поры. По традиции, уходящей корнями в деспотии Древнего Востока, Византии, абсолютные монархии Западной Европы и самодержавие Руси, тоталитаризм XX века (советская доктрина с полным основанием считала таковыми фашистские режимы Гитлера, Франко и Муссолини) нередко отождествляется с режимом личной власти – авторитаризмом.

Идейно-политическая направленность сатирического дарования Дж. Оруэлла и О. Хаксли была во многом нацелена на размывание основ социализма. Однако правоту их в чем-то явно болезненных фантазий в гораздо большей степени подтверждает развитие современного западного общества. Классический гуманизм вытесняется трансгуманизмом, осуществляется целенаправленный подрыв базовых представлений о традиционных ценностях, семье, коллективе, сопровождаемый генной инженерией с целью изменения самой природы человека, разрушения естественных основ его как вида. К примеру, под эгидой продвижения разнообразия дебаты о квадроберах сменяются другими внешне невинными полуопереточными дискуссиями, ведущими к атомизации общества, раздроблению его на сумму субкультур, которыми легко управлять, к отказу в конечном счете от личностной самоидентификации, изгнанию науки из профессиональной среды. Складывавшиеся веками демократические институты становятся инструментами манипуляции общественным сознанием, подрывающими сущность человеческой природы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.